

Вадим Драч

Ненаписанные письма, или Стоит только открыть глаза

*Бывают не Отправленные письма.
Они коятся в ящичках стола,
Как исповедь, вопросы без ответа,
Как летопись прошедшего себя.*

*Бывают не Написанные письма.
Они коятся в тайниках души,
Меняют содержание и почерк...
Бесцельный монолог длиною в жизнь,
Дневник невоплощенных снов и мыслей.
К себе несуществующему зов.*

Иримэ

ОТ АВТОРА

Здравствуйте.

Для каждого из Вас может найтись письмо, когда-то затерявшееся в дороге.

Кого-то они заставят плакать и смеяться, а кого-то лишь ненавидеть меня сильнее.

Возможно, Вы уже слышали от Рамзеса III: «противостояние обусловлено свыше и всякий, кто поймет это, сохранит внутреннее равновесие».

Вот поэтому и я хочу предложить Вам свой рецепт сохранения душевного комфорта.

Одно из трудноизлечимых заболеваний человечества — одиночество.

Если и Вы иногда этим болеете, я собираюсь составить вам компанию и всё это время буду с Вами. Мы вместе будем писать эту книгу и, возможно, тогда её можно будет уже не читать.

Постараюсь быть правдивым и ненавязчивым. Чем разнообразней — тем действенней, а потому, постараюсь еще и не надоедать.

Для того чтобы писать — либо нужно верить в себя до эгоизма, либо играть от всей души. Поэтому я предлагаю вам игру.

Каждая из историй будет длиться в Вашей голове до тех пор, пока вы не станете догадываться о содержании финала.

Люди с легкостью ставят диагнозы другим.

Я же устал бояться своего диагноза, и вот что получилось...

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

... Огромный зал храма Тата, в который раз слышал имена Великих жрецов, поглощая их своим треугольным сводом, усиливая и без того мощные голоса, наполняя их еще более величественным смыслом.

— *Приветствую тебя, великий мыслитель Арум!*
Приветствую тебя, великий мыслитель Тацит! ...
Приветствую ... Приветствую ... Приветствую ...

Когда говоривший умолк, шесть других голосов слились в дружном приветствии:

— *Приветствуем тебя, Великий Мыслитель Орфей!*

Мудрецы поклонились друг другу, отставили свои посохи и расселись на расставленные в круг каменные кубы. Факелы осветили лицо говорившего.

— *Друзья мои, я готов к походу за знанием!..*

...Ведя церемонию, Орфей рассуждал про себя о том, что факельный способ освещения зала храма стоит усовершенствовать. Он был уверен в

том, что когда-нибудь, иной свет станет доступен многим, станет удобен и дешев. А много лет спустя, Кто-Нибудь поможет людям обходиться совсем без света, наверное, усовершенствовав обоняние, осязание, слух и зрение, а главное — интуицию. Возможно, этот Кто-Нибудь поможет людям жить и в полной темноте, как долгое времена до этого жили их предки, ибо круг должен всегда замыкаться, а мы — возвращаться туда, откуда начали свой путь...

— Дух мой крепок, рассудок светел! Пришло время победить Большую Боль!

Все семеро закрыли глаза, и голос тонально-мычащего старца послужил началом для свершения таинства. Один за другим, все подхватили низкую ноту, и зал заполнился величественной песней, вытеснив действительность, уходя глубоко в прошлое и забегая далеко в будущее. Когда к поющим присоединился седьмой голос, круг замкнулся....

... Орфей и раньше много думал над этим, но величина значимости вопроса заставляла его отсрочить полное разрешение. Для победы над Болью ему были необходимы силы и опыт многих других мудрецов ... И он двинулся в путь — к знанию...

— Я понял, что люди Гипербореи порою жертвуют красотой зубов ради удовольствия вкушения пищи. Они готовят один из вкуснейших и полезнейших продуктов из зерен, размельченных каменными жерновами. Жернова же, в свою очередь, стираясь в работе, присутствуют в хлебе в виде пыли, чем и стирают эмаль зубов. А ведь зубная боль — одна из самых сильных, следовательно, начинать нужно с нее!

Он взял нож, ощупал языком свой любимый коренной зуб мудрости, который имел привычку ощупывать во время камлания в храме, открыл рот и ковырнул его ...

Дикая боль вскрытого нерва пронзила тело, но не остановило движения на пути к истине...

— Зубную боль пока могут победить лишь лекари, имеющие глубокие познания в этой области...

... Когда боль опять даст о себе знать, он просто возьмет часть коры чудодейственного дерева и пережует ее. Это средство, привезенное из далекой сказочной страны купцами, давно занимало его мысли. Теперь он знал наверняка, что если не он, то его ученики разгадают загадки богатой растительности того края и, в том числе, полезные свойства волшебного дерева, которое в Гиперборее звали «Плакучей ивой» ...

— Победить боль можно, войдя в особое состояние, как при медитации, когда отделяется разум от тела, отключая тем самым рефлексы. Но ... все это подвластно времени, а значит, нужен другой путь. Что вообще есть боль? Это сигнал мозгу о возможно скором отмирании тела....

... Боль подкралась из глубины, завладела им, однако, Орфей продолжал поиски, подстегиваемый страданиями...

— Удалить зуб — значит принести вред всей системе... Не то!..

На очереди было: изучение термального влияния воды, растворов, воздуха и прочие виды лечения.

... когда боль начинала путать его сознание, он массажем отгонял ее в сторону, но так, чтобы она могла вскоре вернуться....

В итоге, он смог систематизировать: как виды боли, так и причины ее возникновения. В его градации сильнейшей болью была боль душевная. Но, будучи человеком, который для себя решил этот вопрос еще в юности он, как и все Посвященные, выделил этот случай в особое

учение, так как в сущности, все знания вместе и являются панацеей от душевных страданий.

В результате же исследования физической боли, он явил миру труд о гигиене тела. Простые правила были усилены эффектом религиозной подачи, дабы не возникало желания поспорить или усомниться в обязательности их исполнения. На самом деле процесс создания правил и был тем, что называли «ниспослано свыше».

Труд был окончен и Орфей переключился на себя. Его боль необходимо было победить персонально. Он стал мысленно возвращаться от общего — к частному, замыкая круг: «...правила гигиены — лечить причину — нож — любимый зуб — храм — победить боль — должность Верховного жреца храма ...»

Орфей открыл глаза, взял посох и встал. Низкий гортанный голос стих, в глаза ударила гарь угасающих факелов. Жрецы встали. Он поднял посох, пропел хвалу создателю, а затем громогласно произнес:

— *Я победил боль!*

Все раскланялись и разошлись. Орфей сделал

распоряжение Совету о передаче вновь полученной информации в Школу жрецов. По дороге к дому он уже предвидел завтрашний день Нового Учения: его труд будет многократно дополнен и тщательно отшлифован. Возможно, в результате этого, он даже утратит его авторство, но главное — УЧЕНИЕ БУДЕТ.

Утолив голод, Верховный жрец с радостью ощупал языком свой целехонький зуб «мудрости» и уснул, более не заботясь о состоянии как этого, так и других своих зубов.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Весь смысл человечности — во взаимности.

Чтобы ее обрести, нужно этому учиться.

Учиться почувствовать ее в ком-либо, а главное — в себе.

Нужно учиться признаваться в любви, т. е. быть глубоким и сентиментальным, когда это нужно.

Кому-то достаточно взять за руку, кому-то снять платье и остаться в нижнем белье, а кому-то прожить жизнь рядом, размышляя и пытаясь понять...»

... Я боюсь.

Очень боюсь отказа и поэтому говорю тебе, что готов к отказу.

Готов, чтобы не умереть прямо сейчас...

И ещё, я не танцую с тобой танго не потому, что не умею. Я танцевал его тысячи раз и для этого мне не нужен был зал, не нужна музыка и даже, прости, твое присутствие.

Стоит мне только захотеть...

Напротив, именно сейчас, когда мои мысли прикованы к тебе — я танцую! Я танцую танго, сливаясь с музыкой, блестящими костюмами, воздухом ... сливаясь с тобой...

Как гнусно быть собой! Жаль имидж
мелоДамы,
Страдать до крови каждый понедельник
Ох, лавры Ламы!

На утро безТелесым взором войти в азм есьмь
И снизойти к себе — любимой-о-вчерашнем
Ох, я уж здесь!

Опять грести на встречу с Григорием, по
батке Бодхидхармой
И целовать цветы подаренные, вроде
Оправдываясь — карма!

Знать, что завидуют и не разубедить А, леший

с ними!

Блудить, блуждать, хамить, цитатой семенить,
Имея силищу Гольфстрима!

Спасаясь, печь пирог из слез, тем самым
добавляя

Реки слез апостолов от мелоДамы
Себя ль не исцеляя?!

Как славно быть собой во тьме крошечной и
густой

И целовать всё то, что рядом оказалось
Собой — слепой...

* * *

Мой бог! Неужто этой страсти
Которой так обязан человек
Не станет?
Новизною властной её подавит странный
век?!

Власть денег. Чем же это ново?!
Всё уже было, новизна — налёт.
Который много раз как берег мыло
Сменяя приземленностью полёт

Высокий стиль в опале. Что же грустно
Освистан орган чувственности. Для
Лишь быстротечного блаженства теперь
нужно

Огонь, вода и небо и земля.

Нет времени, ни сил, нет даже места
Глядеть на волны взором рыбака
Нет, не мечтают больше стать невестой
Проклятый век. Печальная строка.

Родись звезда — никто и не заметит
Их мириады прикуют лишь взгляд
Зато они так ярко-ярко светят
Кому хотят и сколько захотят.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

*«... ключ ко всему — в цикличности и
периодичности!»*

Чаще смотри на небо и истина откроется ...»

... Он уснул на сердце у дракона, укрывшись
перепончатым крылом.

О чем может думать человек, засыпая на
сердце дракона?

Множество ночей он проводил в этом странном месте и в этом же положении. Но ни разу ему не приходилось спать сном спокойным и не обремененным видениями.

Раньше, когда сердце животного было так близко, что можно было и, не прикладывая ухо к телу, услышать биение звериного метронома. Человек просто содрогался в такт могучим толчкам рептилиевого органа.

Этот исполин не имел собственного имени и видимо был очень стар. Орфей даже подозревал, что эта особь была единственной и последней живой своего вида. Упоминания о встречах с драконами были слишком древними и относились скорее к эпосу, чем к свидетельствам очевидцев.

Ящера так и звали — Дракон. Те, кто приносили ему еду и воду, чистили пещеру и меняли травяное ложе, считали его божеством. Для Орфея же Дракон был...

У них было много общего. Ящер, потерявший способность самостоятельно передвигаться на дальние расстояния с помощью крыльев, нашел, как и мыслитель, пристанище в помещениях храма.

Крылья Орфея не были атрофированы. Его в этом месте держали другие обстоятельства.

При первой встрече с этим огромным животным, вовсе не животный ужас, как порой бывало с другими, охватил молодого Орфея. Чувство глубокого восхищения совершенными формами хищника и видом величественного спокойствия долго не давало оторвать взгляд.

Прошло много лет. Теперь он сам руководил Школой жрецов и единолично решал, кто из учеников готов к встрече с чудовищем. Чтобы помочь человеку побороть свои страхи, осознать величие жизни и ничтожность смерти, на одном из этапов подготовки к посвящению претендента приводили в подземелье. Всякий входящий сюда знал лишь то, что выйдет он отсюда уже другим человеком. Если выйдет. Завидев слабого духом, это существо, вобравшее в себя самое инстинктивное от породы хищников, быстро решало его судьбу. Огромные красные глаза всегда безошибочно делали выбор, а огромные когтистые лапы исполняли приговор.

Много воды подземных рек утекло с той первой встречи. С каждым разом Дракон восхищал Орфея всё больше. Для них двоих, важнейшими

составляющими жизни было то, без чего они, казалось, не могли бы нормально существовать: обоим требовалось общение и особенно искренность. Стоило только собеседнику на секунду покривить душой и покладистый Дракон превращался в свирепую рептилию.

Однажды вспышка гнева исполина чуть не погубила самого Орфея. Казалось, что всё это время они всё глубже и доскональнее изучали друг друга. Наверняка, это была не просто привязанность. Возможно, это и была настоящая любовь: взаимность, преданность, бескорыстие, терпение и в конце — мука расставания.

Так всегда бывает, что человек, сделавший гениальное открытие, не в состоянии в этот момент осознать реальность данного события, его истинность. Но, когда событие уже совершилось, остается лишь поверить в его былую невозможность. Но когда человек в своей жизни уже хотя бы раз переживал и подтверждал веру в чудо, ему становилось гораздо легче верить в дальнейшем, а значит, полет мысли становился бы все свободнее и дерзновеннее, всё чаще перерастая в откровение.

Дракон как раз и был тем самым

подтверждением невозможного. Он подтверждал истинность учения мудрецов и нес страх отступникам.

Кроме Верховного жреца и смотрителей, остальные могли видеть Дракона только раз в жизни — во время испытания.

Однако, сам Орфей провел неисчислимое количество ночей в обществе змея, слушая удары его могучего сердца, делясь сокровенным и узнавая для себя много нового! Как и в первую их встречу, так и до сих пор общались они, не пользуясь звуками — способом передачи информации первого уровня — а лишь эмоционально и ментально.

В первый раз, когда Орфей присел на нижней ступени, ведущей в зал, где обитал Дракон, огромные красные глаза спросили его: боится ли он и знает ли, как выглядит изнутри теперь? Орфей отвечал, что боится, но боится лишь не смочь победить в одной из битв. Тогда Дракон заглянул в глаза, бесцеремонно обнюхал, обошел вокруг, помахивая хвостом и крыльями. Затем, скаля зубами, улыбнулся, положил голову рядом с Орфеем и нежно укрыл его крылом — в первый раз. Именно тогда, под мерный стук сердца спящего

зверя, Орфей окончательно освобождился от земных зацепок и посвятил себя небесной доктрине.

Жизнь не раз еще посылала ему испытания, но после этого события, он был вооружен знанием того, что за преодолением следует просветление.

Бесчисленное множество ответов на вопросы нашел он, общаясь с этим странным существом.

— Не спрашивай меня, мой друг, отчего сегодня я особенно печален. Я виделся сегодня с Юстиной. Я знал ее много лет назад и был влюблен. Она все также мила и непосредственна. Воспоминания о ней память не смогла стереть, и я принял решение не выигрывать этой битвы, ибо эта победа станет и моим поражением.

— Я тоже когда-то думал, что знаю всё о противоположном поле. Змеи в основном очень постоянны в отношениях с самками, как люди в моменты развития цивилизации. НО вышло так, что теперь я знаю точно, что они как вселенная непредсказуемы, а потому полны тайн. Тайн, что так притягивают пытливые умы. И это великолепно. Непостоянство тоже имеет свои прелести, хоть это и чуждо самцу.

Не стоит воевать с собой, со своим естеством.

Ты стар, но еще полон сил и у тебя впереди ещё есть нечто самое главное, что ты ещё не сделал и для чего родился. Печалься, сожалея, но не опускай своей значимости из-за одного поражения.

Всё, что может продать мужчина — работоспособность. Всё, что может продать женщина — молодость и воспоминания о ней. Самцу важна суть вещей, самке — внешнее их проявление. Поэтому неискренних улыбок следует больше опасаться, чем слёз.

Ты правильно поступил тогда и правильно делаешь сейчас. Иногда, оставляя человека с его заблуждениями этим сохраняешь его внутренний мир в покое.

— Я даже немного завидую им, самкам. Мужчина может взять женщину силой, обманом, соблазнить словами, купить или в конце-концов жениться. Женщина же обладает значительно большими возможностями.

Дракон сочувственно покачал головой и неожиданно спросил о его детях и почему он никогда их ему не показывал. Старец объяснил, что кровных детей он не имеет, и на то у него есть разные причины ...

Змей же возразил, что он уже видел почти всех его детей, ибо дети его — это ученики и

последователи, которых он по-отцовски любит и в которых останется жить вечно. Встречного вопроса от Орфея не последовало, так как и он знал, что те же люди и для Дракона — единственные дети.

Лишь однажды жрец не понял ответа своего друга.

— Скажи, Дракон, зачем много лет назад люди храма построили катапульту огромных размеров? В чем ее смысл?

Исполин так ответил человеку:

— Чаще смотри на небо и ответ найдется. Верь в то, что это не просто механизм, и что истина всегда где-то рядом.

Примерно так услышал человек, лежащий на сердце Дракона.

Наступил день, когда глаза Дракона стала затягивать пелена. Сердце жреца дрогнуло от предчувствия неизбежного. Одиночество стучало в дверь, усиленное скорбью вечной потери.

— Я устал, моя миссия в этой жизни выполнена. Спасибо тебе за то, что ты был рядом. До завтра, мой друг. И прощай

Ночь все решила.

Когда утром Орфей спустился в пещеру, отыскал зверя и приложил ухо к его сердцу. Сердечный клапан замер навсегда.

Он потрогал свое сердце и под впечатлением произошедшего, внезапно для себя, но в то же время твердо решил, что его собственная смерть ни для кого не должна стать горем. Ибо с этой минуты он уже знал, как это должно случиться с ним.

Когда Старец укрылся безвольным крылом друга, ему открылась истина слов великана.

Ведь, если ему не страшно было умирать, значит и жил Дракон в подземелье без страха. Любой, кто хочет научиться не бояться смерти, должен не бояться жизни.

Позже, уже на занятиях, он взошел на трибуну храма и объявил: «Мы бессмертны! Небо хочет, чтобы все знали это. И доказательством будет каждая праведная жизнь»...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

«Я думаю, что мы стали уже забывать и скоро

*забудем,
как делали это, не выпив»*

Мне не следовало сегодня пить. Я это знал. Я вырос. Теперь я могу подняться над условностями, не прячась за спиртное. Вино нужно было ей. Она пила его с жадностью, наблюдая за собственным опьянением и, дождавшись его, понемногу раскрепощалась.

Созерцание. Я долгое время занимался этим и не считал себя в этом ущербным. Пусть другие оценят моё самообладание и победу над инстинктами.

Жара оплавил мозг. Как в замедленной съемке я двигался к дому. Прохлада подъезда вернула способность двигаться осмысленно. В темноте лестничной клетки все равно горела яркая вспышка солнца. Я добрал до двери, щелкнул дверным замком.

Подошел к окну и снял очки, зажмурившись от ожидания...

За окном стояла зима.

Белые одежды величественно укрывали деревья и землю. Стало свежо и сознание стало

возвращаться. Я распахнул окно и вдохнул полной грудью морозного воздуха.

Это сколько же нужно было мне подниматься по лестнице, жить на ней, чтобы прошло столько времени, не оставив в памяти ничего из событий? Либо, действительно, за это время ничего не случилось стоящего, либо нужно было питаться нейролептиками. Но, скорее всего — это мираж! Нужно попробовать еще раз закрыть глаза. А вдруг опять будет лето?

Нам легче забыть, чем научиться жить с болезненными воспоминаниями.

Я тренировал себя забывать ненужное, но такого количества нейролептика мой организм никогда еще не вырабатывал. На мгновение, даже я испугался. Амнезия ли это или всё-таки пресловутый синдром Корсукова?! Не последствия ли это шока? Лихорадочно стал углубляться в остатки памяти, выстраивая хронологию последнего полугода жизни, пока не успокоился, найдя наиболее яркое впечатление....

...Она лежала среди белого в трусиках. Не помню, видел ли я её глаза, но как она радовала взгляд безупречными формами!!!